

The background of the book cover is a photograph of a park. In the foreground, a large, light-colored stone sculpture of a nude female figure reclining on her back is placed on a rectangular stone pedestal. The sculpture is reflected in a pool of water in front of it. In the background, there are trees with bare branches, a fence, and buildings with red-tiled roofs. The overall scene is bathed in warm, golden light, suggesting late afternoon or early morning.

Людмила Перцева

Отражение

Литературные эссе

Москва, 2019

12+

Людмила Николаевна Перцевая

Отражение. Литературные эссе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42875061

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-09914-2

Аннотация

Людмила Перцевая в своих литературных эссе не претендует на научное толкование художественных текстов. Скорее это – любование замечательными творениями литературы, сопереживание! Здесь нет методически выверенного анализа, но в читательском проникновении в замысел и воплощение идей автор эссе становится ...соавтором писателя. Ведь у каждого из нас своя Татьяна Ларина, свой Борис Годунов, по-особому близкий Александр Блок или Клиффорд Саймак. Кто хочет научиться вдумчивому чтению, написанию сочинений, тот прочтет эссе с большой пользой для себя, получит удовольствие от общения с эрудированным собеседником, виртуозно владеющим литературным языком.

Содержание

Кто такой этот Я	4
Веничка Ерофеев: не приходя в сознание	11
Полтора века "Идиоту" Достоевского	18
Приговор Клиффорда Саймака	27
Иван Флягин, русский богатырь	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Кто такой этот Я

Диктат вкуса меня изумляет! Ну не могут все люди любить исключительно Бродского. Только Маяковского. Заболоцкого. И даже Пушкина. Истинный поэт – всегда яркая индивидуальность, по ритмам, лексике, выраженным смыслам и чувствам. Читатель интуитивно определяет своего Поэта – по настроению в данную минуту, по созвучию своему возрасту, по строю понятий и близких ему идеологем. Более того – по необъяснимой прихоти в какой-то момент мне хочется слышать Окуджаву, а в какой-то – манерного Вертинского, одно другому не противоречит, так прихотливо распорядилось мною настроение! Да и они, поэты, бывают очень разными, счастливыми или страдающими, в упадническом духе или возвышенном, и опять же очень непросто с ними совпасть, почувствовать биение сердца учащенное или умиротворенное.

Никто и никогда за читателя не способен решить, кто ему ближе, роднее, нужнее: Шевченко, Хлебников или Асадов. Наблюдатель со стороны может как угодно кривить губы на этот личностный выбор, мол, эти устарели, тот – полный отстой, а этот – вообще годится только для пародий. На его взгляд в данный момент это может быть и так. Но мы же допускаем не только у поэтов, но и у читателей наличие индивидуальности! Мы, демократы и люди широких взглядов, не

способны выстроить читательскую аудиторию в одну шеренгу для декламации Иосифа Бродского!

Потому что в этой толпе – бабушка-резонер, философ-чиновник, ерничающий выпивоха, пацан, который даже спит в ритме рок-н-ролла, сентиментальная барышня, дока-буквояд и ошалелый шизофреник. Они чего-то там напевают, декламируют, записывают в тетрадки и альбомы, прочувствованно повторяют про себя и вслух. Они разные, с этим ничего не поделаешь, их не надо рядить в один мундир и давать им на предмет "обязательно полюбить" стихотворный сборник самого прогрессивного или продвинутого поэта.

Кто-то продолжает напевать Михаила Светлова, кто-то обожает Багрицкого, кому-то дорог Степан Щипачев.

Я не оговорила, я вполне допускаю, что этого последнего продолжают любить, и не собираюсь высмеивать обожателя моральных сентенций! У каждого читателя – свой горизонт, свой потолок, своим цветом выкрашены небеса и подобраны цветы в букеты! Мне смешон Фет с его переизбыточной слезливостью, моему соседу непонятен Вознесенский с его "Треугольной грушей" – и это свидетельство лишь того, что мы существа разной органики! И не могут все в равной степени искренне вытягиваться во фронт перед Некрасовым или Мандельштамом, потому что разнообразие человеческой природы не поддается никакому измерению и уж точно никаким оценочным категориям! (Естественно, я не говорю о криминальной составляющей!) Так ведь это здоро-

во, что все мы, человеки – не одинаковые!

... На конкурсе литературной критики можно было видеть, как продвинутые оценщики спорили и с авторами конкурсных работ, и друг с другом, и со случайными "прохожими-читателями". Наблюдалось естественное человеческое желание утвердить некий стандарт вкуса – со всех позиций! Разумеется, консенсуса достичь было невозможно. Мне после всех этих разговоров очень захотелось принять оглушающе крепкий душ из стихов. Залить хорошую порцию внутрь. Прополоскать мозги. Образами, эмоциями, фантазиями.

Бог ты мой, кем только не воображает себя Поэт: деревом, городом, свирелью... Перегномом!

Какое счастье, что они так непостижимо разнообразны в своих ощущениях! И что не было в их жизни модераторов, пересчитывающих слоги и ударения, подгоняющих под единый стандарт формы, а были профессиональные редакторы, которые превыше всего ценили в поэте индивидуальность. С которой они как-то умудрялись находить своих читателей. Но подборка получилась любопытная!

Сергей Есенин:

"Я вам не кенар!

Я поэт!

И не чета каким-то там Демьянам.

Пускай бываю иногда я пьяным,

Зато в глазах моих
Прозрений дивных свет".
"Я странник убогий.
С вечерней звездой
Пою я о божестве
Касаткой степной".

Андрей Вознесенский:

"Я – Гойя!
Глазницы воронок мне выклевал ворон,
слетая на поле нагое...
Я – горло
Повешенной бабы, чье тело, как колокол,
было над площадью голой...
Я – Гойя!"

Григорий Поженян:

"Я старомоден, как ботфорт
на палубе ракетноносца,
как барк, который не вернется
из флибустьерства в новый форт.
Как тот отвергнутый закон,
что прежней силы не имеет,
и как отшельник, что немеет
У новоявленных икон".
"Ты хочешь, чтобы я был, как ель, зелёный,

Всегда зелёный – и зимой, и осенью.
Ты хочешь, чтобы я был гибкий как ива,
Чтобы я мог, не разгибаясь, гнуться.
Но я другое дерево..."

Владимир Маяковский:

"Я – царь ламп!
Придите все ко мне,
кто рвал молчание,
кто был,
оттого, что петли полдней туги, -
я вам открою
словами
простыми, как мычание,
наши новые души,
гудящие,
как фонарные дуги".

Леонид Мартынов:

"Я чуток,
Напряжен я,
Как рояль.
Но подойди хоть Бородин, хоть Скрябин,
Не трогайте, не жмите на педаль!
Шершавый от царапин и корябин,
Сегодня я уж больше не служу,

Рукам умелым, как и неумелым,
Но сам себе я струнами гужу
И весь дрожу своим древесным телом».

"Я –

Пламень фар,

И на меня летят

Ночные бабочки и мотыльки,

Не ведая, чего они хотят.

Ночную тварь маню я колдовски.

Я

даже мышь летучую подшиб,

Хоть не хочу, чтоб кто-нибудь погиб

Вот так бессмысленно из-за меня –

Стремительно летящего огня".

Борис Пастернак:

"Я – пар отстучавшего града, прохладой

В исходную высь воспаряющий. Я –

Плодовая падаль, отдавшая саду

Все счета по службе, всю сладость и яды.

Чтоб музыкой хлынув с дуги бытия,

В приемную ринуться к вам без доклада.

Я – мяч полногласья и яблоко лада.

Вы знаете, кто мне закон и судья".

Николай Заболоцкий:

"Как все меняется! Что было раньше птицей,
Теперь лежит написанной страницей;
Мысль некогда была простым цветком;
Поэма шествовала медленным быком;
А то, что было мною, то, быть может,
Опять растет и мир растений множит".

Остановлюсь на этом. Оказывается, совпадение поэта с явлением, предметом, зверем или деревом наблюдается повсеместно, практически в каждом сборнике, так велико искусство перевоплощения, так соблазнительно поэту транслировать посыл от лица самой природы!

Мне не хочется подбирать ученые слова для обозначения этого явления, я сама немножко поэт и тоже в какой-то момент скажу:

"Словно в мутной речке рыбка
Я дорогу не найду,
Щука? Тина? Грязь? Всё зыбко,
Омут – там, и невод – тут...
Вот в сомнениях и страхе
Замерла. Жду рыбака.
Спининговые замахи:
Хлещет крепкая рука!
Я доверюсь этой леске,
Ухвачу пустой крючок,
Подсекай же быстро, резко!
И...подайте мне сачок!"

Веничка Ерофеев: не приходя в сознание

– Как?! Ты до сих пор не поняла, почему Веничка Ерофеев – классик? Не прошла с ним экзистенциальный маршрут "Москва – Петушки"?

– Я делала подступ... Но очень быстро меня одолевала злость, я не могла понять, зачем мне этот алкаш с его непрерывной заботой: как напиться так, чтобы не стошнило, где взять, в каком количестве и как при этом не потерять последний ориентир в пространстве? Зачем мне, спрашивала я себя, эти рецепты немислимых коктейлей из политуры, лака для ногтей и "Свежести", поиск зубровки и хереса?

– Погоди, не горячись, но ты ведь и в "Игроках" Гоголя не уроки картежного мастерства ищешь, а нечто совсем отвлеченное, о характере удивительного народа!

– Да, разумеется... Согласна. Тут прагматичный посыл не годится, не поваренную книгу читаешь...

– Под окном моего деревенского дома – огромная лужа. По ней – то легкая рябь от утреннего ветерка, то каскад солнечных брызг от скачущих с воплями мальчишек, то она взбаламутится вечерним стадом коров, то успокоится и в ней отразится синее небо с пышными белыми облаками. Ликвидировать ее, засыпав асфальтовой крошкой, или беречь, как

портал в мир вдохновения и поэзии? Не спеши с приговором...

Я прекращаю диалог сама с собой и беру с полки книгу Ерофеева, подумаешь, и двухсот страниц нет, махом одолею!

Но махом не получается. Между уведомлением от автора и первой страницей поэмы сказано, что автор посвящает эти трагические страницы своему первенцу. Читатель насторожен: вот эти блуждания непросыхающего пьяницы в поисках очередной дозы и то ли Кремля, то ли Курского вокзала, вот эта нечаянная ночевка в чужом подъезде и ласковая беседа с ангелами, обещающими, что скоро откроется магазин, дадут красненького и станет полегче... вот это – трагические страницы?

Старательная попытка удержать равновесие в этом зыбком мире с опорой на себя и ангелов, манера Венички вести непрерывный диалог с самим собой мне вдруг оказывается очень близка и понятна! А на кого ему, выросшему за Полярным кругом, где-то там, в детдоме, еще и надеяться, кто еще, кроме ангелов, так ласково ему скажет: "Конечно, Веничка, конечно, зажмурься, чтобы не так тошнило..."

Я усмехаюсь и отмечаю про себя, что с возрастом человек становится терпимее, обретает способность читать между строк и проникать, почему это хождение от вокзала к вокзалу может восприниматься, как поэма. Все это ёрничество и пристебывание обретает оттенок застенчивости и ласковой усмешки по отношению к самому себе, ко всему тому, что,

казалось бы, давно упало ниже плинтуса, а все равно достойно участия, – там трепещет живая душа.

Но Веничка не так прост, чтобы напрашиваться на жалость! И как только читатель расслабленно погружается с головой в повествование, автор начинает сцену за сценой выдавать ему свое суждение над "высоколобым" обществом. Язвительно, тонко, но не желая никого обличать – исключительно по зоркости и меткости глаза!

Приходят и уходят персонажи, безгласные или витийствующие, колоритные или эфемерные, каждый со своей легендой и со своей манерой... потреблять. Сцены одиночества Венички сменяют бурные токовища и диалоги со случайными попутчиками. Поэма при этом не теряет стройности и не расплзается. Прием построения сюжета избран безошибочно, он, как мясо на вертел, нанизан на железнодорожный маршрут, держит колышущуюся ткань поэмы цепко и надежно!

Вот Веничка в тамбуре преодолел с божьей помощью приступ тошноты, вошел в вагон, и публика глянула на него безучастно, круглыми глазами.

"Зато у моего народа – какие глаза! Они постоянно навывкате, но – никакого напряжения в них. Полное отсутствие всякого смысла – но зато какая мощь! (Какая духовная мощь!) Эти глаза не продадут. Ничего не продадут и ничего не купят. Чтобы ни случилось с моей страной, во дни сомнений, во дни тягостных раздумий – эти глаза не сморгнут. Им

всё божья роса..." – Вот вам образчик мыслей и рассуждений Венички, здесь и ерническое цитирование ставших расхожими постулатов и поучений, и переименование поговорок, и выворачивание смыслов.

У него очень богатая лексика, в которой свободно сплетено высокое с низким, сленг подзаборного бомжа с филологическими изысками. Так может говорить и писать тот, кто на всех языковых этажах гулял свободно и раскованно, сплетая косички рассуждений из всего, что обретается под рукой, кто над всем этим ровно на один взмах полета выше! Очень показательная для иллюстрации сцена, как у окошка выпивают двое, один – умный, в коверкотовом пальто, а другой – тупой, в телогрейке. Выпивают и никого не стесняются, рук не заламывают...

"Тупой-тупой выпьет, крякнет и говорит: "А! Хорошо пошла, курва!" А умный-умный выпьет и говорит: "Транс-цен-ден-тально!" И таким праздничным голосом! Тупой-тупой закусывает и говорит: "Закуска у нас сегодня – блеск! Закуска типа "я вас умоляю"! А умный-умный жует и говорит: "Да-а-а... Транс-цен-ден-тально!"

А тут Веничка, восхищаясь парой, вплетает свои переживания по поводу того, что он свою деликатность расширил безгранично, и это уже – сфера интимного. Но если вы вздумаете принять всерьез его откровения, он тут же окатит вас холодненьким: воспоминанием о сильно пьющих сотоварищах с их претензиями. И конца этим пассажам нет, постоян-

но надо быть в отстранении и настороже к страдающему... пересмешнику.

Никогда, ни у одного писателя (при моем достаточно солидном читательском опыте) я не встречала такого обращения с авторским багажом культуры. Он не просто ошутим, этот багаж, он свободно и раскованно используется для выразительности и полноты повествования. Онемеешь, когда на три булька или пять глотков обязательно приплетается либо пассаж из симфонии Дворжака и фрагмент из Ференца Листа, либо "Неутешное горе" Крамского и валяющийся в канаве Мусоргский... Ах, какое буйство в пьяных токовищах собутыльников всяких Шиллеров и Манфредов, Каинов и Вертеров, образов и параллельных искажений!

Иногда насмешка сведена до анекдотического уровня, когда баба с выбитыми зубами рассказывает сообществу, за что пострадала. Взявший ее на пушкинскую лирику романтик не вынес постоянного занудства со словами "а детей, ежели они случатся, кто за тебя будет растить – Пушкин?" – вот и получила!

Иногда это просто разгул бессмысленного пьяного нанизывания имен писателей, композиторов, впрочем, всех объединенных одной страстью: "Я читал, я знаю! Отчаянно пили! все честные люди России!" – И в этот момент я вдруг понимаю, что не в романе я все это услышала, а много раз и много раньше до того! И вот это жонглирование цитатами, фразами, именами, ссылками, и эти обобщения, якобы всё

сводящие к понятному и низкому, единому для всех греху, вот это выравнивание тех, якобы высших сил, и наших, низменно-родных, близких и понятных.

"Все вы одним мирром мазаны", – сказал не Веничка, а те, над кем он так беззлобно и тонко посмеялся.

Он может себе это позволить, так как сам чувствует искренне, не рядясь в чужие одежды слов, не пытаясь возвыситься, потому как и любовь к женщине, (там в Петушках!) и любовь к умирающему младенцу в нем божественно-человечны, исповедально выражены и трогательны. Больше об этом я не скажу ни слова, дабы не испортить впечатления неудачным выражением, слишком хорошо и свято сказано это в поэме.

Книга странная, небывалая, неожиданная. Я в этот сюрреалистический мир вошла и Веничку услышала. Одно мне неясно: его перевели на 35 языков мира, и неужели те 35 языков смогли стать адекватными нашему ирреальному существованию?

Невольно вспомнился духовный брат Венички Ерофеева. Жил у нас примерно в те же годы советского бытия удивительный художник Анатолий Зверев. Жил и творил в такой же атмосфере, как и Лирический герой поэмы "Москва – Петушки". Шатался от дома к дому, ночевал у друзей и вовсе незнакомых людей, пил и опохмелялся и в уплату за ночлег рисовал – портреты, пейзажи, зверей и птиц. Не было у него при жизни выставок, никаких регалий, на просьбу Третья-

ковки продать ей свои картины ответил отказом: "Запрет в заказники... пусть лучше на стенке у хорошего человека висит". Он писал свои шедевры, не приходя в сознание, никто не ставил ему рисунок, не преподавал цвет – по наитию божьему они выходили столь оригинальными и непередаваемо прекрасными.

Нашлись любители, которые оценили эти творения, собирали их, позже в Москве на этой основе даже родился частный музей Анатолия Зверева. Я была в нем и на всю жизнь стала поклонницей дивного рисовальщика! Говорят, когда во Франции на выставке Зверева побывал Пабло Пикассо, он сказал, что народ, у которого есть такие художники, не нуждается ни в каких авторитетах. Он велик изначально, по своему внутреннему существу, по способности рождать таких творцов!

Полтора века "Идиоту" Достоевского

Сказать, что Читатель прочел этот великолепный роман залпом – погрешить против истины. Его публикация частями началась в январе 1868 года в «Русском вестнике» и продолжалась целый год. С появлением первой же части все было захвачено необыкновенным сюжетом, более чем странными героями и потрясены какой-то сгущенной психологической атмосферой. Читающая публика находилась под сильнейшим обаянием этого романа, только о нем и говорили! (Заметим, что тогда же граф Л.Н.Толстой публиковал роман-эпопею «Война и мир» – ну, ж были времена и авторы!..)

Погружение в роман, таким образом, длилось год, было время и обсудить, и помолчать, и проникнуться идеей, которая многим до самого конца так и осталась непонятной. Так критик Страхов, сравнивая произведение Достоевского с эпопеей Толстого, пенял автору "Идиота": "На всем Вашем лежит особенный и резкий колорит, Вы загромождаете Ваши произведения, слишком их усложняете. Если бы ткань Ваших рассказов была проще, они действовали сильнее. Все, что Вы вложили в "Идиота", пропало даром..."

Совет хорош, будь проще – и народ к тебе потянется, сла-

ва придет. Но Достоевский не мог ему следовать! Он поставил перед собой необыкновенную задачу. Вот как в письме любимой племяннице Сонечке Ивановой, которой и был посвящен этот роман (двадцатилетней девушке!), автор объяснял свой замысел: "Главная мысль романа – изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь. Все писатели, не только наши, но даже все европейские, кто только ни брался за изображение *положительно* прекрасного, – всегда пасовал. Потому что это задача безмерная. Прекрасное есть идеал, а идеал – ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался. На свете есть одно только положительно прекрасное лицо – Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица уж, конечно, есть бесконечное чудо".

Достоевский терзался сомнением, сумеет ли он воплотить свою идею, поймет ли его Читатель, писатель надеялся хотя бы возбудить в нем интерес к образу! И вся переписка с Майковым (Достоевский писал роман за границей и оттуда следил, как воспринимается его публикация читателями) потрясает: он боялся, что роман слаб, что ему не скажут всей правды, и мучился ужасно! Но и отзыв Майкова, и первая критика были восторженные. Улыбнемся тут – Майков заподозрил по первым частям, что Мышкин списан с него!

Скажу главное: Читатель открывал для себя повествование долго, вдумчиво, вживался в роман целый год – и был потрясен пронзительной, фантастической идеей, а вместе с

тем – сгущено реалистичной, болезненно психологичной его достоверностью.

Сыграло свою роль и параллельное существование гигантской литературы девятнадцатого века, и реальность, в которой тогдашние современники Достоевского существовали. Они как бы жили там, внутри, и всё-таки были поражены и действием, и героями...

Я жила в другом времени, среди совсем других людей, меня волновали иные проблемы и цели. Но, как это ни странно, я вживалась в роман Достоевского еще дольше – целую жизнь, он претерпевал во мне возрастную трансформацию, и на каждом новом этапе открывал неизведанные пласты и глубины. И так до сих пор.

Немалую роль в этом познании Прекрасного человека играл не только мой (очередной!) возраст и состояние души, но и взгляд на него других весьма неглупых людей. Даже сейчас припомнить это мне очень интересно.

Первое знакомство с героями "Идиота" произошло вообще не на страницах книги.

Я смотрела фильм Ивана Пырьева с Юрием Яковлевым и Юлией Борисовой в главных ролях. Фильм снят в 1958 году (роману – 90 лет), цветной, остросоциальный, в жанре психологической драмы. Мама плакала, у меня глаза лезли на лоб: пачки денег – в камин, горящие глаза и хохот Юлии Борисовой, сатанинская свита Рогожина, жалкие родственники Гани Иволгина... Мышкина было бесконечно жаль, Наста-

сья Филипповна выглядела сильной, яркой, вокруг нее вершилась вся эта фантазмагория!

Детское восприятие прозорливо. Страдающей стороной оказался актер Яковлев, из-за сильнейшего душевного напряжения и даже расстройтва он отказался от дальнейшей работы в роли князя Мышкина. Пырьев не захотел искать другого исполнителя и вторую серию так и не сняли. Но, на мой взгляд, лучше Юлии Борисовой с тех пор так никто и не сыграл неврастеническую, яркую, незаурядную героиню Достоевского, она просто создана для этой роли. Лидия Вележова в сериале наших дней по сравнению с нею просто заурядная кухарка (да простит меня влюбленный в нее зритель!) Через год эта работа Пырьева получила вторую премию на Всесоюзном кинофестивале в Киеве.

В старших классах (где-то в 1965 году) я наконец прочитала роман "Идиот" – в упоении, залпом, в слезах и потрясенных чувствах. С погружением в атмосферу, пониманием героев, густо населяющих роман, я открывала те стародавние времена и страдающих в них Мышкина и Настасью Филипповну, высокой души, прекрасных, необыкновенных героев. Сейчас я думаю, что все же в моей реакции на роман было много от миропонимания советской девочки. Это ни плохо, ни хорошо, это так было.

Когда я поступила на учебу в Ленинградский ВУЗ, меня захватил такой необыкновенный поток высочайшей культуры, что просто ...не высказать. Музеи, концертные залы

с классической музыкой и, конечно, театры! Товстоногов, Акимов, Владимиров, ну, что теперь перечислять, это были гиганты мирового масштаба! В то время, чтобы попасть на самые громкие премьеры, мы, студенты, подряжались распространять билеты на ...неходовые спектакли. За это нас награждали билетами на великолепнейшие постановки!

Так в 1969 году я попала в Большой драмтеатр (БДТ) на спектакль режиссера Георгия Товстоногова «Идиот». В роли князя Мышкина – Иннокентий Смоктуновский, обожаемый мною после «Гамлета», Рогожина играл Евгений Лебедев, Настасью Филипповну – Эмма Попова.

Тогда я еще не знала по провинциальной своей темноте, что этот спектакль – возобновленный. Его премьера состоялась 31 декабря 1957 года, то есть царствовал он на сцене как раз в юбилейном для романа 1958-м. Спектакль вошёл в «золотой фонд» российского театра и сыграл исключительную роль в судьбе исполнителя главной роли И.Смоктуновского, тогда еще мало кому известного.

Той версии я не видела и сошлюсь на мнение критика А.Смелянского, который писал, что спектакль сразу стал легендой. Замелькали непривычные слова совсем не из театрального ряда: "чудо", "паломничество", "откровение"... Да многие – и театральные критики, и режиссёры, и актёры – называли «Идиота» Товстоногова самым сильным театральным потрясением в своей жизни.

В этой первой редакции Товстоногов не стремился осо-

временить Достоевского; он перенёс на сцену все черты авторского стиля: и длинные периоды, и частые повторы, и беспорядочные нагромождения слов, – тем не менее, спектакль завораживал. Во многом благодаря игре Смоктуновского, который с первого же появления на сцене убеждал зрителей в том, что Мышкин Достоевского – «такой и другим быть не может» . Кирилл Лавров вспоминал сцену в Павловске, когда Настасья Филипповна с Аглаей «делили» Мышкина, а сам он 15 минут молча стоял в углу – и зрители не могли оторвать от него глаз . На этот спектакль люди приезжали со всех концов Советского Союза – слово «паломничество» не было преувеличением. Понятно, что с уходом Смоктуновского из театра "ушел" из репертуара и спектакль.

Весной 1966 года «Идиот», с участием Смоктуновского, был возобновлён для гастролей БДТ в Англии и во Франции . Потом спектакль вернулся в Ленинград, вот эту версию я и видела. Вместо прежних трёх актов их стало два, и внутреннее напряжение возросло. В первой редакции театр больше дорожил эпохой Достоевского, теперь стремился перенести драму ближе к настоящему времени.. Тот, кто мог сравнивать, отмечал, что облик Смоктуновского изменился за прошедшие годы, в его Мышкине не было прежней «бесплотности», изменились интонации, и сам он уже не казался пришельцем из будущего. Подействовал на него сыгранный Гамлет!

Я сравнивать не могла, просто, как замороженная, слу-

шала и смотрела на совершенно несценических, без театральности и наигранности, героев. Преображение князя – открытого, доверчивого, спешащего детским тенорком подбодрить, поддержать и павшую женщину, и матерого купчину, а потом всё более страдающего от того, что НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ, – происходило прямо на глазах. Я не могла аплодировать, забывала подбирать со щек слезы.

Должна сказать, что ансамбль в том спектакле был необыкновенно силен, Лебедев и Борисов просто не нуждаются в том, чтобы их преподносили, имена говорят сами за себя! Попова в этом окружении могла уже ничего не делать – в отсвете гениев нет посредственностей, а она посредственной и не была.

Да, более сильного прочтения романа Достоевского мне видеть не приходилось. Я снова взялась за роман – читала долго, медленно, задумывалась, писала дневник, горевала вместе с автором о несбыточности прекраснотушных мечтаний князя – всех поднять, в каждом возбудить силы, добро.

Надо бы отметить, что роман экранизировали и ставили в театре много раз и у нас, и за рубежом. В этом ряду особое место занимает телевизионный сериал «Идіють», добротная работа режиссёра Владимира Бортко с Евгением Мироновым в главной роли. Я смотрела его с неослабевающим интересом. Но, признаюсь честно, что эта работа 2003 года особенных открытий не принесла – Миронов очень хорош и убедителен, Машков роль Рогожина проживает роскошно,

Лидия Вележева просто не обладает психологической тонкостью, благородной нервностью для такой роли, а вот Инна Чурикова в роли генеральши – настоящее откровение. В любой ипостаси может проявиться незаурядный сценический талант! Хорош Басилашвили – генерал, как всегда убедителен Ильин.

Было и еще одно очень важное проникновение в мир Достоевского и его главного романа – с публикацией в 2011 году книги "Достоевский" Людмилы Сараскиной в серии ЖЗЛ. Книга тонкая, умная, содержательная. Это как раз тот случай, когда с незаурядным и знающим свой предмет человеком интересно поговорить обо всем, даже о хорошо известном. Сразу стало стыдно за свои слова, да разве можно сравнивать мое знание творчества гениального Достоевского – с пониманием и знанием доктора наук, умницы Сараскиной, посвятившей всю жизнь этому автору! Бесконечно благодарна ей за эту книгу.

И под занавес не могу не упомянуть гадких, ернических обращений в великом роману: «Даун Хаус» – современная интерпретация романа от режиссёра Романа Качанова (Россия, 2001) Просто глумление. Выпороть бы Романа, чтобы не придуривал... И спектакль «Князь» в московском театре Ленком режиссера Константина Богомолова – примерно из той же серии. Премьера завершилась грандиозным скандалом, поскольку все действие свелось к пафосу педофилии вокруг картавящей девочки Насти. Марк Захаров поспешил

снять спектакль, подальше от позора.

Уверена, к великому произведению эта грязь не приста-
нет. Главное – не начинать знакомство с князем Мышкиным
через таких посредников! Путь к истинному произведению
искусства многотруден, и как же хорошо, когда есть на этом
пути умные сотоварищи и тонкие ценители.

Приговор Клиффорда Саймака

С этим американцем случилось то же, что и с пианистом Ваном Клиберном: на русской земле его фамилию перевертали. Пианиста следует именовать Вэном Клайберном, а фантаста – Клиффордом Симаком. Но русские полюбили безоглядно как Ваню, так и Клиффа; а уж про меня и говорить нечего! Бережно храню коробку с виниловыми пластинками Клайберна пианиста, и с давних пор собираю всё, что переведено на русский и издано фантаста Саймака.

Как это ни странно, но он силен драматической, пронзительной нотой отрицания, которая исподволь звучит буквально во всех его произведениях. Он разуверился в человеческой цивилизации и он, фантаст, заглянувший глубоко на тысячелетия вперед, отказал человечеству в будущем. Человек, как мыслящая единица – да, человечество, как коллективный разум – нет. Вот как сам Клиффорд в предисловии к самому своему популярному произведению "Город" объясняет свою позицию:

"Кто-то назвал этот сборник "обвинительным актом человечеству"; такое определение не приходило мне в голову, когда я писал рассказы, но я с ним согласен – и считаю, что у меня были и есть причины предъявить человечеству обвинительный акт. А в то время я не раз говорил друзьям, что населил свою Землю псами и роботами оттого, что потерял

веру в человечество, в его способность жить в мире. Приговор, конечно, суровый, и, казалось бы, теперь, по происшествии стольких лет, я мог бы его смягчить. Но, честно говоря, не вижу оснований".

С тех пор, как написаны эти строки, прошло полвека, Клиффорда Саймака уже нет в живых, а я готова вслед за ним повторить это безысходное "не вижу оснований". Потому что коллективный человеческий разум раздираем в противоречиях, безумных конвульсиях междоусобных войн, зарастает мусором в буквальном и переносном смысле, а конца этому, какого-то поворота к диалогу (я уж не говорю о гармонии в отношениях разных конгломераций этой цивилизации!) как не было, так и нет.

Поэтому с годами произведения Клиффорда Саймака, как выстоявшийся коньяк, становятся все крепче, прошибают мозги горечью и безысходностью... Но, разумеется, не приносят никому отрезвления! И когда бы человечество слушало своих пророков!

А уж напроорочил нам фантаст – будь здоров! В самых разных его произведениях тема безысходности и обреченности звучит совершенно определенно, как приговор: люди покинули Землю и рассыпались в пространстве Вселенной! Да, иногда они встречаются, вступают в какие-то творческие или деловые взаимоотношения, проявляют лучшие свои качества, но все это – индивидуально.

"Город", с которого я начала разговор, самый ранний и

показательный тому пример. Ушли с Земли мутанты, ярые индивидуалисты по своей природе и наиболее продвинутые по биологической сути. Бежали за долголетием и счастливым ничегонеделанием обыватели на Юпитер, отказавшись при этом и от человеческого облика. Разлетелись по разным планетам любители приключений. И на Земле воцарилась эра Собак и обслуживающих их роботов. Да! И еще муравьи, которые тоже при помощи роботов строят немыслимое и... бессмысленное Здание. Все они в той или иной мере подражают людям, но правит бал здесь уже не человек. Более ядовитой насмешки над человечеством и не придумать.

Писатель усугубил впечатление предисловиями, каждое из которых предваряет очередной рассказ. В них собаки глубокомысленно рассуждают, а какой может быть заложен смысл в этом предании? А был ли человек на самом деле, или это сказочный вымышленный персонаж, вроде...бога? Всё, как у наших ученых, когда они размышляют над какими-то необъяснимыми явлениями или артефактами, уцелевшими с достопамятных времен! Должна признаться, что эти предисловия для меня – как пикантная приправа, придающая особый вкус и каждому рассказу в отдельности, и всему сборнику в целом. Хорошо придумано!

В романе "Проект "Ватикан" на планете Харизма главными будут уже не собаки, а роботы. Их сюда загнала последовательная идея походить на своих прародителей – людей, и, следовательно, восполнить в своем житие-бытие недостаю-

щее звено: обзавестись, наконец, религией. Если у них, роботов, нет любви, так должна быть, по крайней мере, Вера! И вот сообщество роботов осуществляет проект "Ватикан", – отыскивает по всей Вселенной образчики религий и пытается скомпоновать нечто свое, идеальное. Ну, и как у роботов заведено, в дело включен мощный компьютер Папа, в который они непрерывно загружают новые сведения.

Да, люди здесь есть, они почти равноправные действующие лица, одни превосходят роботов, как программист Экайер, увлеченно работающий с Папой, другие просто обслуживают их, третьи, вроде отшельника Декера, в силу немыслимой развитости, общаются с потусторонними силами.

Сюжет построен увлекательно, но, подчеркиваю, роботы объединены в сообщество идей, люди же действуют в силу индивидуальных побуждений, они разобщены и контактируют случайно. И в этом романе Клиффорд Саймак насмешливо проводит аналогии между обществом людей в прошлом и роботов – в будущем, которые способны на религиозные бунты фанатиков. Большой пересмешник...

Иногда в этой способности посмеяться над человеческой цивилизацией он заходит так далеко, что, читая, плакать хочется. Таков его "Могильник", в котором Земле отводится роль ...вселенского кладбища. Знаете, это сентиментальное и многократно повторяемое: "Хочу быть погребенным в родной земле" в данном произведении звучит буквально, как

желание заблудших сынов человечества быть похороненным непременно на Земле! И на этом строится бизнес. Вот и всё, что остается нашей прекрасной планете.

Отказывая в своих произведениях человечеству в будущем, Клиффорд не перестает любить людей, как бы парадоксально это ни звучало. Все его герои (не роботы, псы или гоблины, а именно люди!) обладают прекрасными качествами: они отважны, предприимчивы, умеют любить, быть самоотверженными, честными и красивыми. Иначе чего бы стоили его человеконенавистнические романы!

И еще Саймак очень любит все, как бы сейчас сказали, традиционные ценности: труд на земле, дом, семью, камин и выпивку. Пусть даже ее подает робот. И самые проникновенные страницы в его романах и рассказах связаны как раз с этим. А еще с великолепно написанными пейзажами. Земными. И как человек смог предать ее, Землю, и навсегда покинуть? Немыслимо!

...В романе Саймака «Проект «Ватикан» есть прелестный персонаж – Шептун, некое местное существо на планете Харизма, облачко из молекул, светящейся пыли. Увидев, что землянин ищет и собирает драгоценные камни, он помогает ему в этом и даже иногда занимается их шлифовкой. Но при этом он не следует ювелирным правилам и образцам, а вглядывается, вдумывается в каждый камушек, не задает ему новую форму, а любитесь той, которую камень имеет. Шлифует до блеска, выявляя природную индивидуальность. Это ни

на что не похоже, но это – неповторимо, в этом – истинная красота!

Может быть, здесь намек фантаста на путь самоусовершенствования Человека?

Иван Флягин, русский богатырь

Иван Северьянович Флягин, главный герой рассказа "Очарованный странник" в самом начале представлен автором как богатырь-черноризец, по обличью схожий с Ильей Муромцем. "Это был человек огромного роста с смуглым открытым лицом и густыми волнистыми волосами свинцового цвета: так странно отливала его проседь", – пишет Лесков. Он был одет как монах, но "держался смело, самоуверенно" и производил впечатление бывалого.

Скучающим путешественникам готовность странника к открытой и прямо исповедальной беседе была очень кстати. Но современному читателю непросто понять, что же такого героического в этом монахе. Да, правда, вся его жизнь – ряд непрерывных приключений в странствии по российским городам и весям, татарским степям и даже горам Кавказа. Но движет им не поиск подвига или защиты Отечества, а слепой и часто нелепый случай.

Так в 11-летнем возрасте он ударом кнута почти случайно убивает монашка, воз сена которого оказался на дороге графа. Потом почти так же нечаянно, импульсивно, спасает графа от гибели, рискуя собственной жизнью. Когда у экипажа, который несся под гору, лопнул тормоз, мальчишка, кинувшись на дышло, своим весом остановил на краю пропасти коней. Но в те годы он был еще настолько бестолко-

вым, что даже награду себе попросить не сумел, а ведь мог бы рассчитывать на вольную! Позже, когда защищая голубят, расправился с кошкой, и в наказание был отлучен от любимых коней, он узнал, что значит быть крепостным. Его отравили дробить камень для садовых дорожек, и настолько это для души Ивана было тягостно, что он даже решился и на воровство коней для цыган, и на побег от своих хозяев.

Все в этой юной жизни вперемешку – подвиги, преступления, искусители и спасители, все неосознанно и бестолково. Наверное, этим писатель хотел, прежде всего, честно отобразить правду жизни. Действительно, какой осмысленности и целенаправленности можно ждать от мальчишки, который вырос на конюшне, ползая под копытами, не зная никакого учения, да и просто направляющей материнской руки и ласки?

Правда, в отношении к лошадям с самого юного возраста проявляются наилучшие качества Ивана Флягина. Укрощая коней, руководя ими, ухаживая за ними, он проникается психологией животных, понимает их, тонко чувствует. В этом видна и его сила, и почти сверхъестественная власть над конем, и умение поставить эту силу на службу отечеству – тут он конечно русский богатырь!

Но разве это и все достоинство Ивана Флягина? За что еще его ценили люди, с которыми парня сталкивала жизнь? А они Ивана, случайно повстречавшегося на житейской дороге, умели оценить сразу же и очень точно. Его, беспаспорт-

ного бродягу, берет в няньки к младенцу барин, безоговорочно поверивший в доброту Ивана. И он в нем не ошибся. Бестолковый подросток преданно выхаживает младенца, на первых порах ни за какие деньги не соглашается отдать дитя даже беглой родной матери. Но как только убеждается, что ею и ее новым избранником движут добрые чувства – и ребенка отдает, и сам с ними уходит. Снова в бега!

Потом уникальную проницательность, выдержку и самоотверженность Ивана оценят татары, которые видели, как он сам вызвался вместо своего нового хозяина пороться нагайками. После того, как он азиата -соискателя на владение красивейшим конем, заporол до смерти и чуть было не попал за это под суд, ему пришлось бежать с татарами в их степи. Удерживали они пленника десять лет, самым изуверским образом испортивши ему ноги. А он татар лечил, жил с ними, тоскуя по Родине. И нашел в себе силу, проявив смекалку, смог все-таки бежать из плена.

Он возвращается на родину и старый граф (обязанный Ивану жизнью), выпоров его основательно, все же отдает Флягину паспорт и отпускает его на оброк. Чем же занялся наш герой? Он помогает простым мужикам покупать коней, разоблачая вороватых цыган во всех их фокусах. Слава его гремит по ярмаркам, и благодаря своему уникальному умению понимать коней и своей беспредельной честности, он поступает на службу к князю конэсером – выбирать при покупке лучших коней, без изъяна. Служит преданно и чест-

но, иной раз спасая князя от его же собственных пороков – пьянства и пристрастия к азартным играм.

Все, что мы теперь отмечаем в судьбе Ивана Флягина, конечно не ратные подвиги на поле брани. Это шаги на пути к духовному совершенству. Он нечаянно попадает в разнообразные житейские коллизии, но безошибочно выходит из всех испытаний, правильно делая нравственный выбор, совершая, таким образом, духовный подвиг. А это особенно трудно, потому что он делает выбор самостоятельно, безо всякого понуждения, единственно по своему естеству, как русский верующий в Бога человек. Им руководит нравственный закон изнутри и никакие обстоятельства не заставят Ивана свернуть с этого праведного пути.

Вот, казалось бы, он оступился и сошел с праведной дороги: под воздействием мошенника-магнетизера Флягин пропивает и бросает под ноги красавице-цыганке деньги, доверенные ему хозяином. И единственное ему в том оправдание, что он, молодой совсем человек, наконец, проник, что такое "красота – природы совершенство, за которую и погибнуть... даже радость!" Князь, который оступился на той же дорожке и выбросил за ту же цыганку Грушу аж пятьдесят тысяч, Ивана понял и простил: "Ты артист, как и я!", другими словами – вдохновенный, восторженный человек и достоин уважения. Но что происходит дальше? Князь быстро выдохся, Груше изменил и выкинул ее, как надоевшую вещь. А Иван Северьяныч в своем обожании поднялся до глубо-

кой преданности и братской любви к униженной женщине, до понимания, что для Груши смерть в этой ситуации – единственный достойный выход. Что это, преступление или еще один нравственный подвиг?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.